

оригинальная статья

Перспективы развития государства в XXI веке

Гаврилов Евгений Олегович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

gavrilich@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.11.2022. Принята после рецензирования 21.12.2022. Принята в печать 30.12.2022.

Аннотация: Научное прогнозирование и долгосрочное планирование социального развития необходимы и привлекают внимание к будущему такого ключевого структурного составляющего современного общества, как государство. Выявлены основные факторы, влияющие на трансформацию государства; определены наиболее распространенные интерпретации последствий, которые оказывают эти факторы на развитие современных государств. В качестве основных факторов определены глобализация, научно-технический прогресс и конкуренция со стороны транснациональных компаний и связанных с ними наднациональных структур. Выделены четыре прогноза перспектив развития государства: радикальная замена государства новыми системами управления; сохранение основных политических центров либо в качестве исполнительных звеньев надгосударственных структур, либо в качестве относительно самостоятельных макрообразований; перерождение национальных государств в новые политические формы под влиянием современных факторов общественного развития; построение новых автархий или неоавтархий на территориях существующих государств. Значительное число прогнозистов констатируют уменьшение самостоятельности и субъектности в осуществлении внутренней и внешней политики государств в планетарном масштабе. Часть из них видят в этом процесс перехода к новым негосударственным моделям управления обществом. Другие заявляют об усилении государств в исторической перспективе вплоть до обретения состояния автархии на более прочных, нежели ранее, основаниях. Реализация потенциала государства в нынешнем веке или его забвение зависит не только от активности в сфере политических отношений, но тесно связывается футурологами с трансформацией человека, его ценностей и связей. Будущее государства как самостоятельного субъекта внутренней или внешней политики находится в прямой зависимости от способности давать ответ угрозам современной цивилизации.

Ключевые слова: глобализация, сеть, корпорация, государство, автаркия, суверенитет

Цитирование: Гаврилов Е. О. Перспективы развития государства в XXI веке. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 37–45. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-37-45>

full article

Scenarios of State Development in the XXI Century

Evgeniy O. Gavrilov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

gavrilich@yandex.ru

Received 30 Nov 2022. Accepted after peer review 21 Dec 2022. Accepted for publication 30 Dec 2022.

Abstract: Scientific forecasting and long-term planning of social development cannot ignore such a key structural component of modern society as the state. This article describes the prospects for the development of the state in the XXI century, the main factors of state transformation, and the most common interpretations of their consequences. The list of factors includes globalization, scientific and technological progress, competing multinational companies, and various supranational structures. The research revealed four scenarios. (1) The state gives place to new management systems. (2) The main political centers remain either as executive units of supranational structures, or as relatively independent macro-formations. (3) National states degenerate into new political forms under the influence of modern social factors. (4) New autarkies or neo-autarkies appear on the territories of contemporary states. Most forecasters foretell those states are bound to lose their independence of internal and foreign policy on a planetary scale. Some of them see a process of transition to new non-state models of society management. Others declare that states will grow in strength in the historical perspective, reaching the form of autarky, and on stronger grounds than ever before. The future of the state in this century depends not on political relations, but on the transformation of personality, values, and connections. The future of the state as an independent subject of domestic or foreign policy depends on its ability to respond to the challenges of modern civilization.

Keywords: globalization, network, corporation, state, autarky, sovereignty

Citation: Gavrilov E. O. Scenarios of State Development in the XXI Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 37–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-37-45>

Введение

В представлении обывателя государство является привычным и кажется неизменным элементом политического ландшафта. Все значимое, что происходит в мире, так или иначе связывается с ним или с его производными. Поэтому необходимость научного прогнозирования и долгосрочного планирования социального развития привлекает внимание к будущему одного из ключевых структурных составляющих современного общества. Интерес к политическому прогнозированию усиливается, когда социальной повесткой становится идея кардинальности происходящих в мире изменений. Осознание катастрофичности социальных трансформаций заставляет одних уповать на могущество государственного аппарата, а других – констатировать неспособность государственных структур справиться с вызовами современности. Неопределенность места и роли государства в современном мире, а равно неоднозначность понимания происходящих процессов образует проблемное поле исследования. Цель исследования состоит в том, чтобы определить перспективы развития государства в XXI в.

Прежде всего нужно уточнить способ постановки вопроса и используемый подход к решению поставленной цели. Очевидно, что построение футурологических прогнозов опирается на анализ движущих сил исторического процесса, нередко представленных в гиперболизированном виде. Специалисты проецируют факторы социального развития на государство, а затем определяют его место в происходящих процессах. Однако не меньшее значение для выводов имеют и субъективные установки самих представителей науки и общественных деятелей, озвучивающих социальные прогнозы, а также цели стоящих за ними социальных групп, которые реализуются в многочисленных программах развития общества. В свою очередь программы находят выражение в стратегиях, миссиях, политических платформах, альянсах, инвестиционных проектах, социальных ожиданиях и мн. др. Такое своеобразное преломление объективных тенденций в субъективных трактовках позволяет очертить горизонты развития государства в современном мире. Поэтому каждый футурологический прогноз будет рассматриваться в исследовании не как беспристрастная констатация наступления нового социально-политического порядка под влиянием объективных условий и законов развития, но как желаемая программа развития общества, за которой стоят как ценностные установки конкретных авторов, так и интересы стоящих за ними социальных групп.

Факторы социального развития и следствия их реализации

Обозначим наиболее часто называемые специалистами объективные факторы современного периода исторического развития. Часть из них лежит на поверхности и используется в содержании учебного материала в университетах.

Тем не менее конкретизация воздействия этих факторов на государство в интерпретациях специалистов носит нередко гипотетический характер и часто выражает субъективный компонент любого социального прогнозирования. Это означает, что сам набор выделяемых исследователями факторов, их определение и объяснение их воздействия могут отличаться. Представленный перечень претендует на репрезентативность, поскольку выделяется значительным числом специалистов.

I. Первый фактор динамики современного общества можно обозначить как **глобализацию** [1]. Этот процесс, начавший активно проявляться еще как минимум в прошлом столетии, в современном мире существенно ускорился. Наблюдается высокая синхронность в действиях государств, которая стала заметнее после разрушения социалистического блока стран, исторически выступавших противником капиталистическим странам. Социальные потрясения, вооруженные конфликты, разрушение хозяйственных цепочек, торговые войны, санкционная политика и агрессивная пропаганда не стали препятствием для глобализации. Современные системы управления позволяют синхронизировать и координировать процессы даже в такой политической реальности, которая представлена разделенными и враждующими анклавами, санитарными зонами, конкурирующими экономиками, несовместимыми стилями жизни. Как объединение, так и дробление мира одинаково могут быть использованы в реализации глобальной политики.

Развертывание процессов глобализации влечет два следствия для государства как социального института. Первым является своего рода кризис суверенитета. Причем не только государственного суверенитета, но и суверенитетов других видов и уровней. Отсутствие или неполнота одного вида влечет умаление всех остальных. В этих условиях становится очевидным, что связь личности и государства носит взаимный характер именно в аспекте их суверенности. Кризис первого означает кризис второго и наоборот (подробнее см. [2, с. 149]). Второе следствие глобализации состоит в разрушении прежних принципов построения системы государственного управления. В процессе своего развития государство оформляется в иерархическую, относительно замкнутую структуру, в то время как процессы глобализации приносят в организацию системы социальных отношений скорее сетевой, ризоморфный характер¹ [3]. Это ведет к формированию и усилению различных надгосударственных и внегосударственных структур и связей, дублирующих или пересекающих (в некоторых случаях прерывающих) контуры государственного управления, построенные на иерархических связях.

II. Вторым фактором современных социальных трансформаций можно считать **научно-технический прогресс**, создающий новые средства производства, продукты

¹ См. также: Яновский О. С. Химера. Олег Яновский о безымянном субъекте мировой политики. (Интервьюер С. Харцизов). *Завтра.ру*. 05.08.2022. URL: <https://zavtra.ru/blogs/himera> (дата обращения: 10.09.2022).

и в целом новую среду существования человеческой цивилизации. Это развитие получило название НБИК-конвергенции² [4; 5], наиболее зримой частью которой является цифровизация всех сфер общественной жизни. Именно она выявляет односторонность научно-технического прогресса, который уже и человеку, не обладающему специальными познаниями, видится как бесосновательное усиление надзора и контроля за жизнью индивидов и общества в целом. Однако этот контроль из орудия государственного управления превращается в средство подмены государственных полномочий функционированием алгоритмов, которые лишь отчасти находятся в юрисдикции конкретных стран. Сама же деятельность госорганов и должностных лиц все более вовлекается в виртуальную реальность. Как производная процессов информатизации всех сегментов общества она уже сформировала общественную структуру третьего порядка, если брать за первые две экономический базис и политическую надстройку.

Фактор тотальной цифровизации, как и предыдущий, имеет по крайней мере два следствия. Первым является деформация конституционного строя государств и ослабление порождаемых ими правовых систем. Логика конституционно-правового развития стран после Второй мировой войны осуществлялась в русле демократизации государственного управления и утверждения приоритета прав человека. НБИК-конвергенция в целом и цифровизация в частности в значительной степени отменяют эти программы развития. Цифровые технологии, лишь отчасти урегулированные правовыми нормами, активно вторгаются в охраняемые конституциями области публичной и частной жизни, вступают в противоречия с утверждаемыми конституциями принципами³ [6]. Провозглашение наступления эры глобальных цифровых прав [7] по сути констатирует не только вторичность основ конституционного строя по отношению к внешним инстанциям, но также и превращение самой идеи прав человека в свою противоположность, т.е. в средство экстерриториального вторжения в охраняемые законом области человеческой жизни и государственного управления⁴.

Вторым следствием процессов цифровизации становится виртуализация государственного управления, что выражается в появлении т.н. электронного правительства и государства – цифровой платформы [8]. Точнее, нужно говорить о системе государств – цифровых платформ, поскольку единые стандарты их создания и функционирования прямо предполагают возможность интеграции электронных правительств мира в единый комплекс унифицированных и взаимодействующих цифровых алгоритмов администрирования⁵. Уместным будет использование понятий *социотехнологическая экосистема*, *цифровая экосистема* [9], смысловое содержание которых демонстрирует процессы размывания границ государственной и негосударственной сфер общественных отношений, а также виртуализацию жизни общества. Виртуальный уровень осуществления государственной власти не является, строго говоря, только государственным, т.к. контролируется сторонними субъектами частного права, которые находятся вне государственных юрисдикций в силу транснационального характера ведения бизнеса, распределенной системы владения активами, инициативного участия в международных организациях и т.д.

Но и в самом государстве появляется два дополнительных слоя управленцев, деятельность которых не очевидна и, возможно, не вполне урегулирована правом. Первый слой представлен операторами, которые имеют свой круг должностных обязанностей и собственную иерархию, на вершине которой может быть Главный архитектор Платформы или иное лицо [10, с. 22], чьи полномочия и компетенция выбиваются из привычных систем управленческих отношений, урегулированных административным правом. Они могут выступать «невидимыми» посредниками в системе административных правоотношений, но могут выполнять и самостоятельные функции в области модерации, фильтрации, защиты или обработки информации.

Второй слой представлен так называемым искусственным интеллектом, который в настоящий момент является комплексом алгоритмов и нейросетей, чья роль в системе управленческих отношений все более возрастает и приобретает прескриптивный характер. Искусственный интеллект

² Полное наименование: нано-, био-, инфо-, когнитивные технологии. В некоторых интерпретациях к ним добавляются социальные или социогуманитарные технологии.

³ СПЧ подготовил доклад о положении дел с правами и свободами человека и гражданина в цифровом пространстве РФ. 01.12.2021. URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/spch_podgotovil_doklad_o_polozhenii_del_s_pravami_i_svododami_cheloveka_i_grazhdanina_v_tsifrovom_pr/ (дата обращения: 10.09.2022).

⁴ Чтобы не умножать примеры, отметим только один тренд, который особо рьяно внедряют различные государства по всему миру. Речь идет о создании цифровых профилей граждан и формирование из них различного рода реестров (регистров). Многочисленные сообщения об утечках персональных данных, их подделке, совершении с их помощью преступлений не образуют необходимой полноты общей картины. Следует учитывать перспективы попадания в мировую сеть данных о таких категориях граждан, как военнослужащие, чиновники, сотрудники правоохранительных органов и служб безопасности и т.д. Скорее всего, защита этих данных в условиях стремительной информатизации общества всегда будет отставать. Если же часть общества каким-либо способом будет выведена из процесса оцифровки, то это фактически означает перекраивание всей прежней системы социальных связей – образование параллельных взаимообусловленных общественных устройств. Нужно ли говорить, что ни одна конституция на сегодняшний день не предусматривает подобного рода конструкций.

⁵ Для примера – исследование ООН об электронном правительстве: E-Government Survey 2020. Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development. With addendum on COVID-19 Response. United Nations, 2020. URL: [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf) (accessed 01.10.2022).

уже сегодня принимает управленческие решения в различных областях общественной жизни⁶ [11]. В перспективе обсуждается возможность предиктивного управления, осуществляемого с минимальным участием человека или без такового [12; 13].

Общим итогом реализации второго фактора – виртуализации государственных структур – является трансформация управленческой деятельности, идущая вразрез с основами конституционного строя современных государств.

III. Третьим фактором социальных трансформаций является существование в современном мире политических игроков, чья экономическая мощь и политическое влияние сопоставимы с потенциалом большинства государственных образований. В качестве таковых исследователи обычно называют **транснациональные корпорации**, среди которых чаще всего выделяют пятерку крупнейших, используя для их обозначения аббревиатуру GAFAM, дефиницию Big Tech и ряд других названий [14].

Однако более емким следует считать подход, согласно которому в каждом сегменте экономических отношений в мировом масштабе преобладающее положение имеют несколько компаний, которые занимают и практически монополично делят основную долю рынка: в сфере аудита и консалтинга – Большая четверка, представленная Deloitte, PwC, EY, KPMG [15, с. 443]; в сфере инвестиций – Большая двойка, представленная Vanguard Group, BlackRock [16, с. 69]. Схожее распределение наблюдается во многих сферах экономики, что формирует систему мировых хозяйственных связей со своими центрами и перифериями [17; 18].

Эту модель мировой олигополии можно дополнить указанием на то, что зачастую крупные бизнес-структуры имеют офшорную юрисдикцию и, что не менее важно, связаны между собой большим количеством экономических и внеэкономических связей (см., напр. [19]). Четко осознавая свои групповые интересы, они совокупными усилиями вполне способны направлять политику государств, конкурировать с ними или дистанцироваться от их внутренней или внешней политики. Область распространения таких компаний превышает границы любого из существующих государств. Их деятельность на территориях государств не вполне подконтрольна национальным системам права. Фактор разрастания совокупной мощи корпораций нередко превращает их в центры принятия политических решений, наряду с правительствами.

Прогнозы перспектив развития государства

Обратимся к субъективным установкам и интерпретациям, облакающим обозначенные выше факторы в прогнозы перспектив существования современных государств и государства как социального института в целом. Обобщение высказываний общественных деятелей и специалистов из различных областей научного знания позволяет выделить четыре основных прогноза⁷.

I. Первый предполагает радикальную замену государства новыми системами управления. Подобного рода идеи последовательно разрабатываются начиная еще с XVIII–XIX вв. теоретиками левого и правого анархизма. В событиях XXI в. современные мыслители и общественные деятели угадывают реализацию некоторых идей анархизма в политике глобализма. В качестве вариантов безгосударственных систем глобального управления предполагаются надгосударственные структуры, которые, в частности, могут быть представлены международными организациями, находящимися в сотрудничестве с ООН. Их влияние в последние десятилетия только возрастало. Выработывая международные стандарты для имплементации их национальными правовыми системами, они, несомненно, уже сейчас претендуют на роль координаторов мировых процессов, на право устанавливать различные правовые режимы в суверенных юрисдикциях⁸, создавать структуры, неподконтрольные суверенным судебным системам⁹. Государственные служащие в ранге министров часто входят в состав исполнительных комитетов и иных структур этих организаций, крупнейшие корпорации и фонды финансируют их деятельность. Однако они – не единственные претенденты на замещение национальных суверенитетов.

Не менее часто на роль новых управленческих систем прочат транснациональные корпорации или ассоциированные с ними структуры. Так, известный футуролог, бывший глава Европейского банка реконструкции и развития Ж. Аттали предполагает, что в недалеком будущем «контракт придет на смену закону, наемники – армии и полиции, арбитры – судьям» [20, с. 183], возникнет «огромный рынок, лишенный государств и наделенный характеристиками центра» [20, с. 187]. Он использует термин *гиперимперия*, которую должна сменить *гипердемократия*, для обозначения порядка, где на передний план выйдут системы глобального наблюдения, мегагорода, коммерческие и связанные с ними некоммерческие ассоциации, а государства, напротив, утратят свое значение и признаки. Еще более радикален футуролог, технический

⁶ Китайская компания назначила искусственный интеллект генеральным директором. *Xaiitek*. 01.09.2022. URL: <https://hightech.fm/2022/09/01/robot-ceo-shina> (дата обращения: 10.09.2022).

⁷ Оговоримся, что выделение этих прогнозов является несколько условным, поскольку у одних и тех же авторов можно встретить элементы нескольких футурологических интерпретаций.

⁸ Потеряйко А. «Пандемическое соглашение» ВОЗ для всего мира: интервенция и диктатура. *ИА REGNUM*. 01.12.2021. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3438408.html> (дата обращения: 10.09.2022).

⁹ О ратификации Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Всемирной организацией здравоохранения об открытии Географически удаленного офиса Всемирной организации здравоохранения по первичной медико-санитарной помощи в городе Алматы, Республика Казахстан. Закон Республики Казахстан № 353-V ЗПК от 01.10.2015. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000353> (дата обращения: 10.09.2022).

директор компании Google Р. Курцвейл, который в интервью прямо говорит о том, что принадлежность к государству перестает иметь значение, а сами государства уступят место негосударственным ассоциациям¹⁰. Подобного рода идеи развиваются не только в русле рыночных воззрений. Так, проект инклюзивного капитализма напоминает риторику левого толка в духе троцкизма, дополненного концепциями анархизма, экологизма, технологизма (К. Шваб, Ж. Фреско). Неизменным атрибутом подобного рода идей становится требование радикальной и насильственной перекройки человека (от генома до мышления), что дает основания критикам трактовать подобные взгляды как «био-эко-техно-фашизм»¹¹ [21, с. 84–110, 182, 193, 195; 22].

II. Второй вариант прогноза допускает сохранение основных политических центров либо в качестве исполнительных звеньев надгосударственных структур, либо в качестве относительно самостоятельных макрообразований. Разница между этим подходом и раскрытым выше не столь уж значительна. Представители первого подхода делают вывод о неизбежности глобализации, что, собственно, и влечет эрозию национальных государств, их растворение в глобальном контексте, а представители второго подхода склонны утверждать, что мир, вступивший в полосу кризисов, сохранит свою дробность. Логично предположить, что в распадающейся системе хозяйственных, культурных и прочих связей, усилении хаотизации социального пространства роль государства может и будет возрастать. По мнению М. Г. Деягина, монополии как движущая сила глобализации вступили в состояние упадка, потенциал глобализации в целом исчерпан, ее сменила глокализация, которая в свою очередь ведет к распаду глобального мира на макрорегионы [23, с. 76–77, 779]. Так уже было раньше в эпоху биполярного мира, когда существовали советский и американский макрорегионы [23, с. 778], а в наши дни происходит формирование макрорегионов уже вокруг Китая и США, но не завершается на этом, а продолжает стремиться к усилению дискретности [23, с. 775–777]. Думается, что мир макрорегионов может раскалывать государственно-территориальные целостности, но может вести и к их объединению в рамках крупных политических образований или к возвышению одного государства в каждом макрорегионе с включением в орбиту воздействия своих политических структур некоторых из расположенных рядом стран.

Можно утверждать, что процессы макрорегионализации не мешают процессам глобализации, но корректируют исходную модель в пользу сильного государства. Эту тенденцию выделяет У. Бек, указывая, что ответом на шок глобализации, влекущей смерть политики и смерть демократии, может стать транснациональное государство, которое рассматривается им как форма кооперации национальных

государств [1, с. 188–189]. Автор рассматривает транснациональное государство как гибридную модель, точнее, как «контр-модель контейнерной теории государства и общества» [1, с. 191], в политическом сознании населения которого проявляется восприятие собственных государств как провинции мирового общества [1, с. 192]. Создание транснационального государства осуществляется сложением, уступкой суверенитетов (инклюзивный суверенитет), а не образованием межнациональных или наднациональных государств [1, с. 191, 235], формированием транснационального федерализма [1, с. 235].

III. Третий прогноз предполагает перерождение национальных государств в новые политические формы под влиянием современных факторов общественного развития. Этот прогноз не противоположен первым двум и вполне сочетается с ними. Он акцентирует внимание не на вопросах усиления или ослабления государства, а на трансформации его основ и форм. Значительное число авторов отмечает, что наступило время политических гибридов, которые сочетают прежде несочетаемые черты. Например, в области политических режимов функционируют различные комбинации демократизма и антидемократизма [24; 25], государственная монополия на правотворчество начинает сочетаться с «законотворческим краудсорсингом» [24, с. 43]. Можно констатировать заметное размывание границ между государственной и негосударственной сферами. Иными словами, наступает своего рода кризис идентичности государства, который говорит об изменении сути прежде достаточно четко определенных политических структур, т.е. об их перерождении. Происходит возрастание «гетерогенности политического пространства и неоднородности акторов, взаимодействующих в нем» [24, с. 45]. Постулируется равноценность способов организации и самоорганизации людей – «города-государства, империи, церкви и корпорации» [26, с. 139]. Это влечет приобретение государством ранее не свойственных ему черт и, наоборот, присвоение государственных функций негосударственным структурам.

В результате государство утрачивает монополию в областях, составляющих его прерогативу, и в связи с этим теряет часть возможностей управления собственной территорией. В условиях развития техногенного общества субъектами политики становятся не только люди, но и автоматизированные системы и их производные, способные в будущем порождать специфические политические образования. Действуя как политики, они начинают приобретать качества профессионального сообщества бюрократов, но при этом могут быть не связаны с конкретным государством либо порождать политические образования нового типа. Этот тренд дал основание предположить бывшему помощнику Президента РФ В. Ю. Суркову в качестве будущих

¹⁰ Diamandis P. H. 3 dangerous ideas from Ray Kurzweil. *Singularity Hub*. 10 Nov 2017. URL: <https://singularityhub.com/2017/11/10/3-dangerous-ideas-from-ray-kurzweil/> (accessed 10 Sep 2022).

¹¹ Забирова К. Био-эко-техно-фашизм: новый общественный строй в представлении Клауса Шваба. *Новые известия*. 06.01.2022. URL: <https://newizv.ru/news/world/06-01-2022/bio-eko-tehno-fashizm-novyy-obschestvennyy-stroy-v-predstavlenii-klavsa-shvaba> (дата обращения: 10.09.2022).

политических форм «карликовую сверхдержаву», «экологическую диктатуру», «постпатриотическое сообщество», «виртуальную республику» и в целом сформулировать прогноз об обретении виртуальным миром черт государственности¹². Эти идеи коррелируют с некоторыми тезисами трансгуманизма о цифровом бессмертии, создании тел-голограмм и т. п. [27, с. 141].

IV. Четвертый прогноз может быть выделен в противовес предыдущим трем и обозначен как построение новых автаркий или неоавтаркий на территориях существующих государств. Заранее уточним, что подобного рода изоляционистский прогноз хоть и выглядит контрглобалистской антитезой¹³, но на деле способен участвовать в качестве составной части глобалистской политики. Как уже было отмечено ранее, для глобализма не столь важно, будет ли единым или фрагментированным поле политических отношений, будет ли оно общим мирохозяйственным укладом или разрозненными локальными экономиками, будет ли оно мирным или наполнено враждой. Однако в рамках автаркического прогноза ставится вопрос о реальной, а не номинальной независимости, которая понимается не столько как изоляционизм, сколько как самодостаточность.

Почву для такого рода прогнозирования одни авторы видят в идеях евразийства [28], другие в качестве модели предлагают опыт построения в СССР социализма в отдельно взятой стране [29]. Эти теоретические основания могут объединяться в представлениях о самобытном типе цивилизации, в область существования которой включается большое число современных политических образований, связанных общностью исторического пути. Очевидно, что автаркия – достаточно сложное понятие¹⁴, и его интерпретация применительно к государствам, включенным в систему международных связей, ставит ряд вопросов, ответ на которые не сводится только к констатации задачи достижения самообособления как тактического приема в рамках глобальной политики.

Обозначим наиболее важные из этих вопросов:

- Каким должно быть автаркическое государство в XXI в. в качестве наиболее предпочтительной альтернативы глобалистским проектам?
- Каковы основания для его построения?
- Как могут взаимодействовать автаркические государства с остальным миром?

Отвечая на эти вопросы, современные футурологи не ограничиваются только сферой экономики, права или политики. В качестве обязательного компонента они указывают на необходимость реконструкции ценностных оснований государственности [30; 31], противоположных глобалистским футурологическим проектам, утверждающим ценности трансгуманизма [27]. Тем самым в осмысление современной государственности вводятся антропологическое измерение, нравственные и теологические аспекты, выраженные языком конституционно-правового строительства.

На фоне выделенных тенденций четвертый прогноз реабилитирует роль государства как необходимого цивилизационного достижения именно в аспекте противостояния негативным тенденциям современности и акцентирует внимание на его способности решать насущные задачи, успешно противостоять угрозам нынешнего века. Однако не стоит игнорировать тот факт, что автаркия не вполне противоположна глобализму, стремление к ней может выродиться в усиление политического прессинга, но уже не во имя построения всепланетного общества постлюдей, а под предлогом утверждения высокого нравственного идеала на отдельной территории¹⁵. Все названные проекты реконструкции государства, воспринимаемые по отношению друг к другу в качестве альтернатив, в равной степени могут способствовать утверждению тотального контроля, усилению негативных тенденций современного общества, приближению катастрофического финала современного человечества.

Заключение

Современные факторы, определяющие развитие цивилизации, существенно влияют на развитие современного государства как социального института, особой политической организации публичной власти и во многом предопределяют его будущее. Институт государства в целом претерпевает такие изменения, которые частью исследователей определяются как процесс ослабления его роли в нынешнем веке, а другими воспринимаются как цивилизационный вызов, создающий перспективы для его усиления. Складывается парадоксальная ситуация, когда государства в современном мире одновременно много и мало. Его избыток видится в присутствии государственного вмешательства практически

¹² Сурков В. Ю. Безлюдная демократия и другие политические чудеса 2121 года. *Актуальные комментарии*. 11.10.2021. URL: <https://actualcomment.ru/bezlyudnaya-demokratiya-i-drugie-politicheskie-chudes-2121-goda-2110111125.html> (дата обращения: 10.09.2022).

¹³ Суммируя высказывания экспертов и общественных деятелей, кратко эту антитезу можно выразить фразой – автаркия противопоставляется античеловеческому глобальному обществу, представляющему собой античеловеческий мировой порядок, для которого государство оказывается помехой и пережитком прошлого либо инструментом для достижения глобальных целей. Как бы подспудно здесь подразумевается связь человечности и государственности, которая может иметь как религиозные, так и светские интерпретации.

¹⁴ Брагинская Н. В., Бергман А. С. Автаркия. *Гуманитарный портал*. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7164> (дата обращения: 10.09.2022).

¹⁵ Здесь уместно вспомнить о том, что обычно проекты желаемого будущего преподносятся их сторонниками как благо, за которым подразумеваются определенные ценностные основания и идеалы. Однако их воплощение с определенной долей закономерности может обернуться своей противоположностью. Этот эффект не является единственно следствием макиавеллизма или иезуитства в политике, но является результатом действия механизма выдвижения и реализации социальных проектов, который в предшествующих исследованиях был определен нами как *инверсия утопии* [32, с. 27–32]. Если же содержательно изучить проявления современной глобализации, то прогноз проекта автаркии может показаться естественным стремлением общества к самосохранению.

во всех областях общественной жизни, его недостаток – в утрате самостоятельности и ценностных ориентиров государственной политики.

Перспективы современного государства задаются факторами глобализации, научно-технического прогресса и конкуренции со стороны негосударственных образований. Возможное развитие государства представляется исследователям в ослаблении его роли и даже исчезновении с исторической арены либо, напротив, в усилении государства при трансформации его сущностных черт, а может быть даже обретении самодостаточности при усилении традиционных ценностных оснований. В свете этих точек зрения будущее государства не кажется однозначно предопределенным или отданным на волю стихийных сил истории, а определяется современной полемикой, основанной на представлениях о сущности человека и будущем человечества.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)». Москва-Кемерово, 14–15 октября 2022 г.

Acknowledgment: The article was reported at the International Scientific Conference of Modern Legal and International Legal Issues of Cultural and Historical Types dedicated to N. Ya. Danilevsky, Moscow-Kemerovo, October 14–15, 2022.

Литература / References

1. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с. [Beck U. *What is globalization?* Moscow: Progress-Traditsiia, 2001, 304. (In Russ.)] EDN: RAYTKT
2. Гаврилов Е. О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2020. Т. 4. № 2. С. 146–152. [Gavrilov E. O. Digital sovereignty in the context of globalization: philosophical and legal aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(2): 146–152. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152>
3. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество: аналитическое исследование. *Мир России. Социология. Этнология*. 2000. Т. 9. № 1. С. 23–51. [Castells M., Kiselyova E. Russia and the network society. An analytical exploration. *Mir Rossii*, 2000, 9(1): 23–51. (In Russ.)] EDN: TFASJH
4. Быков Е. М. NBIC-конвергенция технологий: исторический обзор. Часть II: 2007–2013 гг. *НБИКС-Наука. Технологии*. 2017. № 2. С. 24–36. [Bykov E. M. NBIC-converging technologies: historical overview. Part II: 2007–2013. *NBICS-Science. Technology*, 2017, (2): 24–36. (In Russ.)]
5. Дубровский Д. И. NBIC-конвергенция: некоторые теоретические и методологические вопросы. *НБИКС-Наука. Технологии*. 2017. № 2. С. 37–45. [Dubrovsky D. I. NBICS-convergence: some theoretical and methodological issues. *NBICS-Science. Technology*, 2017, (2): 37–45. (In Russ.)]
6. Филипова И. А. Искусственный интеллект и нейротехнологии: потребности в конституционно-правовом регулировании. *Lex Russica*. 2021. Т. 74. № 9. С. 119–130. [Filipova I. A. Artificial intelligence and neurotechnologies: in need for constitutional and legal regulation. *Lex Russica*, 2021, 74(9): 119–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.178.9.119-130>
7. Бурьянов М. С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации. *Век глобализации*. 2020. № 3. С. 54–70. [Buryanov M. S. Global digital human rights in the context of risks of digitalization. *Vek globalizatsii*, 2020, (3): 54–70. (In Russ.)] EDN: HJDRBU
8. Коданева С. И. Цифровое правительство: государство как платформа. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право*. 2022. № 3. С. 8–20. [Kodaneva S. I. Digital government: the state as a platform. *Sotsialnye i humanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo*, 2022, (3): 8–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2022.03.01>
9. Гаврилов Е. О. Экосистема современного общества как новая среда организации системы социальных связей. *Социальные коммуникации: философские, политические, культурно-исторические измерения: II Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч.* (Кемерово, 23 апреля 2021 г.) Кемерово: КемГУ, 2021. С. 13–19. [Gavrilov E. O. The ecosystem of modern society as a new environment for organizing a system of social relations. *Social communications: philosophical, political, cultural, and historical dimensions: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation*, Kemerovo, 23 Apr 2021. Kemerovo: KemSU, 2021, 13–19. (In Russ.)] EDN: BBPWZZ
10. Буров В. В., Петров М. В., Шклярчук М. С., Шаров А. В. «Государство-как-платформа»: эффекты реализации и управление развертыванием. *Государственная служба*. 2018. Т. 20. № 4. С. 17–26. [Burov V. V., Petrov M. V., Shklyaruk M. S., Sharov A. V. 'State-as-platform': implementation effects and deployment management. *Public administration*, 2018, 20(4): 17–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2018-20-4-17-26>

11. Иванько А. Ф., Иванько М. А., Бутырская Д. В. Искусственный интеллект и государственное управление. *Научное обозрение. Фундаментальные и прикладные исследования*. 2019. № 3. [Ivanko A. F., Ivanko M. A., Butyrskaya D. V. Artificial intelligence and public administration. *Nauchnoe obozrenie. Fundamental'nye i prikladnye issledovaniia*, 2019, (3). (In Russ.)] URL: <https://scientificreview.ru/ru/article/view?id=66> (accessed 10 Sep 2022).
12. Талапина Э. В. Обработка данных при помощи искусственного интеллекта и риски дискриминации. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 15. № 1. С. 4–27. [Talapina E. V. Artificial intelligence processing and risks of discrimination. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, 15(1): 4–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.1.4.27>
13. Харитоновна Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2021. № 53. С. 488–515. [Kharitonova Yu. S., Savina V. S., Pagnini F. Artificial intelligence's algorithmic bias: ethical and legal issues. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*, 2021, (53): 488–515. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-488-515>
14. Smurina N. The GAFAM effect: Strategies and logics of the internet oligopoly. *Communication & Languages*, 2016, 188(2): 61–83.
15. Зиборева О. Ю., Распутина А. В. Тенденции развития международной аудиторской деятельности в эпоху глобализации экономики. *Известия Байкальского государственного университета*. 2018. Т. 28. № 3. С. 442–451. [Ziboreva O. Yu., Rasputina A. V. Trends in the development of international audit activities in the era of economy globalization. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, 28(3): 442–451. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28\(3\).442-451](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28(3).442-451)
16. Еремин В. В., Крупнов Ю. А., Золотарев Е. В., Решетников С. Б. Глобальный корпоративный контроль как угроза экономической безопасности Российской Федерации. *Экономика. Налоги. Право*. 2022. Т. 15. № 4. С. 66–76. [Eremin V. V., Krupnov Yu. A., Zolotarev E. V., Reshetnikov S. B. Global corporate control as a threat to the economic security of the Russian Federation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2022, 15(4): 66–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-4-66-76>
17. Казанцева Е. Г. Устойчивость олигополии как рыночной структуры. *Новые технологии*. 2011. № 3. С. 101–105. [Kazantseva E. G. Stability of an oligopoly as market structure. *New technologies*, 2011, (3): 101–105. (In Russ.)] EDN: OJGDZH
18. Гаврилов Е. О., Кандров М. И. Правовые и организационные аспекты должности теневого директора офшорной компании: полномочия, идентификация, ответственность. *Россия молодая: XII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых с Междунар. уч. (Кемерово, 21–24 апреля 2020 г.)* Кемерово: КузГТУ, 2020. С. 63003.1–63003.9. [Gavrilov E. O., Kandrov M. I. Legal and organizational aspects of the position of shadow director of an offshore company: powers, identification, and responsibility. *Young Russia: Proc. XII All-Russian Sci.-Prac. Conf. of young scientists with Intern. participation*, Kemerovo, 21–24 Apr 2020. Kemerovo: KuzSTU, 2020, 63003.1–63003.9. (In Russ.)] EDN: UZJFYQ
19. Теняков И. М., Хубиев К. А., Эпштейн Д. Б., Заздравных А. В. Альтернативы стагнации российской экономики: новый геополитэкономический контекст. *Terra Economicus*. 2022. Т. 20. № 2. С. 40–58. [Tenyakov I. M., Khubiev K. A., Epstein D. B., Zazdravnykh A. V. Stagnation in Russia in geopolitical and economic contexts: new alternatives. *Terra Economicus*, 2022, 20(2): 40–58. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-2-40-58>
20. Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014. 288 с. [Attali J. *A brief history of the future*. St. Petersburg: Piter, 2014, 288. (In Russ.)]
21. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2021. 208 с. [Schwab K. *The fourth industrial revolution*. Moscow: Eksmo, 2021, 208. (In Russ.)]
22. Киз К. С. мл., Фреско Ж. Взгляд в будущее. 1969. 119 с. [Keys K. S. Jr., Fresco J. *A look into the future*. 1969, 119. (In Russ.)]
23. Делягин М. Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Том I. Общая теория глобализации. М.: ИПРОГ, Книжный мир, 2019. 832 с. [Delyagin M. G. *The end of the era: Stand clear of the opening door! Vol. I. General theory of globalization*. Moscow: IPROG, Knizhnyi mir, 2019, 832. (In Russ.)]
24. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Гибридные политические институты в современных политиях. *Вест. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество)*. 2015. № 3. С. 34–46. [Morozova E. V., Miroshnichenko I. V. Hybrid political institutions in modern polities. *Vest. Mosk. un-ta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, 2015, (3): 34–46. (In Russ.)] EDN: UAPSGF
25. Шмиттер Ф. К. Угрозы и дилеммы демократии. *Век XX и мир*. 1994. № 7-8. [Schmitter P. C. Dangers and dilemmas of democracy. *Vek XX i mir*, 1994, (7-8). (In Russ.)] URL: <http://old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-2.htm> (accessed 10 Sep 2022).
26. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2019. 416 с. [Harari Y. N. *21 lessons for the 21st century*. Moscow: Sindbad, 2019, 416. (In Russ.)]
27. Четверикова О. Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма. М.: Благословение, 2016. 160 с. [Chetverikova O. N. *Dictatorship of the "enlightened": the spirit and goals of transhumanism*. Moscow: Blagoslovenie, 2016, 160. (In Russ.)] EDN: BAYLME

28. Романовская В. Б., Цыганов В. И. От автаркии к антиглобализму: преемственность идей в политико-правовом дискурсе. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2015. № 5-6. С. 307–311. [Romanovskaya V. B., Tsyganov V. I. From autarky to anti-globalization: the continuity of ideas in political and legal discourse. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2015, (5-6): 307–311. (In Russ.)] EDN: VNTPTR
29. Пелих С. А. Неоавтаркия – возможная стратегия экономического развития союзного государства. *Экономическое возрождение России*. 2017. № 3. С. 90–94. [Pelih S. A. Neoavtarkia is a possible strategy for the economic development of the union state. *Economic revival of Russia*, 2017, (3): 90–94. (In Russ.)] EDN: ZHLETD
30. Бабурин С. Н. Интеграционный конституционализм. М.: Норма; ИНФРА-М, 2022. 264 с. [Baburin S. N. *Integration constitutionalism*. Moscow: Norma; INFRA-M, 2022, 264. (In Russ.)] EDN: IRKRRA
31. Бабурин С. Н. Духовно-нравственный фактор конституционных трансформаций административных правоотношений. *Правовая политика и правовая жизнь*. 2022. № 2. С. 40–52. [Baburin S. N. Spiritual and moral factor of constitutional transformations of administrative legal relations. *Pravovaia politika i pravovaia zhizn*, 2022, (2): 40–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-2-44-52>
32. Гаврилов Е. О., Гаврилов О. Ф. Утопия и идеология как формы социального проектирования: закономерности функционирования. In: Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О., Грицкевич Т. И., Жукова О. И., Казаков Е. Ф. *Модусы социального взаимодействия: концепты идентичности, духовного опыта, общественных преобразований*. Кемерово: КемГУ, 2020. С. 10–37. [Gavrilov E. O., Gavrilov O. F. Utopia and ideology as forms of social design: patterns of functioning. In: Gavrilov O. F., Gavrilov E. O., Gritskевич T. I., Zhukova O. I., Kazakov E. F. *Modes of social interaction: concepts of identity, spiritual experience, and social transformation*. Kemerovo: KemSU, 2020, 10–37. (In Russ.)] EDN: MESKCD